

Нин Цзи никогда не прогуливал занятия.

Черноволосый юноша с необычайно яркой внешностью стоял в медицинском кабинете. Его статная, стройная фигура казалась безупречной, а темные, глубокие глаза были прикованы к лицу Юй Хуа.

У Юй Хуа были редкие, невероятно глубокие глаза цвета туши, словно нарисованные кистью. В свете ламп они переливались мягкими, изысканными оттенками. Его бледное лицо, хоть и было красивым, не вызывало порочных мыслей — от него веяло холодом, внушающим почтение, к которому хотелось лишь присматриваться издалека, но не приближаться.

Этот сосед по парте вызывал у него странные чувства.

Нин Цзи тщательно перебрал в памяти всё, что знал, но так и не смог вспомнить ничего конкретного об этом человеке.

Это место было сном, созданным Юй Хуа. Тот не мог контролировать выбор Нин Цзи, но зато был волен менять обстановку сна — например, сделать так, чтобы в медпункте сейчас не было ни души.

Солнечные лучи пробивались сквозь окно, наполняя комнату теплом. Легкий ветерок шевелил занавески, отбрасывая причудливые тени, что придавало обстановке странный, двусмысленный оттенок.

Однако каким бы ярким ни было солнце, оно не могло согреть Юй Хуа. Он чувствовал, как силы постепенно покидают его тело, и даже малейшее движение давалось с трудом.

Так холодно. Как же холодно.

Юй Хуа нуждался вовсе не в школьном враче, а в Ян-ци, исходящей от Нин Цзи.

Нин Цзи же, напротив, ощущал в воздухе легкое тепло. Он по-прежнему выглядел безупречно: школьная рубашка застегнута на все пуговицы, ни одна из них не была расслаблена.

Юй Хуа, дрожа от холода, прикусил нижнюю губу, пытаясь отвлечься:

— Почему школьного врача нет на месте?

Нин Цзи бросил на него взгляд, подмечая странности. Лицо юноши было пугающе бледным.

— Возможно, случилось что-то срочное, — ответил он, что было редкостью для него, и,

пристально глядя на ледяное, бледное лицо Юй Хуа, спросил: — Тебе очень плохо?

Юй Хуа нахмурился. Его кожа, и без того белая, как снег, казалась совсем изможденной. Голос звучал тише комариного писка, а ресницы, подобные вороньему крылу, опустились, скрывая темный блеск глаз.

— Нин Цзи... ты не мог бы мне помочь?

Видя, как густые ресницы юноши трепещут, словно крылья бабочки, Нин Цзи слегка нахмурил свои красивые брови. В его тоне сквозило равнодушие с примесью недоумения:

— Как именно я могу тебе помочь?

Юй Хуа молчал. Ему было невыносимо холодно. Он даже начал опасаться, что превратится в ледяную статую, а его Божественное сознание постепенно угаснет, превратив его в злого духа.

Нин Цзи продолжал смотреть на него с холодным, отстраненным видом — словно неприступная вершина, величественная и далекая. Он был хорош собой, успешен в учебе, обладал огромным влиянием, но при этом оставался равнодушным и отстраненным.

Перед лицом Нин Цзи даже Юй Хуа, этот злой дух, не был исключением.

Юй Хуа называл себя злым духом, хотя на самом деле у него не было ни звериного оскала, ни свирепого вида. Скорее, он напоминал призрачное, изящное видение.

Его волосы, черные как смоль, послушно лежали на лбу, отчего лицо казалось еще меньше, подчеркивая его поразительную, хрупкую красоту.

Нин Цзи невозмутимо изучал юношу. Он чувствовал: хотя тот слегка улыбался, в глубине души он испытывал к нему неприязнь, а в его взгляде таился едва уловимый холод.

Эти глаза, яркие, как на картине тушью, были холодны.

Юй Хуа опустил веки и чуть тронул губы усмешкой. Его голос, едва слышный, растворился в воздухе. В этот момент он был похож на мрачного призрака, чьи черты лица были окутаны густой, неразличимой тьмой.

Нин Цзи не расслышал.

Он едва заметно нахмурился, в его глубоких, как океан, глазах промелькнула тень раздумий. Подняв взгляд, он посмотрел сверху вниз на юношу, сидящего на больничной койке, и прямо

спросил:

— Что именно мне нужно сделать?

Юй Хуа прикусил губу до белизны:

— Мне немного холодно... ты не мог бы придержать меня?

Сказав это, он принялся внимательно наблюдать за реакцией собеседника.

Нин Цзи смотрел на него с нечитаемым выражением лица. Он всегда был холодным и невозмутимым, совсем не походя на пылкого подростка. Но сейчас, столкнувшись с просьбой Юй Хуа, он первым делом нахмурился, а его взгляд стал холодным, словно лед.

С самого детства он не любил близких контактов: никогда не обнимал даже детей родственников, да и дома держался особняком.

Поэтому Нин Цзи отказал. Развернувшись, он направился к выходу, и в воздухе повис его спокойный, равнодушный голос:

— Можешь выпить горячей воды.

Того, что он вообще пришел в медпункт, было уже выше его терпения.

Юй Хуа, конечно, знал, что к Нин Цзи не так-то просто подступиться, поэтому, получив отказ, ничего не ответил.

Холод в теле не позволял ему больше раздумывать. Закрыв глаза, он сам подался вперед и обнял стоявшего рядом юношу.

Кожа призрака была нежной и прохладной, на ощупь напоминая лучший бараньей жир нефрит. Нин Цзи не успел его оттолкнуть — сон мгновенно рухнул.

Сначала Нин Цзи исчез из медпункта, а следом за ним начали рассыпаться и окружающие предметы. Юй Хуа изначально не собирался сближаться с Нин Цзи, и, получив лишь крупцу Ян-ци, он взмахнул рукой, развеивая иллюзию.

В полумраке класса юноша лишился своего неземного, возвышенного облика. Напротив, его лицо выглядело холодным и демоническим, почти как у злого духа.

Мираж исчез.

Юй Хуа вернулся в реальность. Храп в мужском общежитии стал тише. Из-за штор уже пробивался слабый свет — Юй Хуа хватило одного взгляда, чтобы понять: время почти вышло.

Получив свою порцию Ян-ци, ему больше незачем было здесь оставаться. В последний раз взглянув на Нин Цзи, Юй Хуа превратился в призрачную дымку и исчез из комнаты.

Спустя мгновение Нин Цзи, словно что-то почувствовав, открыл глаза. Его взгляд, глубокий как родник, стал еще темнее.

<http://bllate.org/book/19888/1957698>